

Сергей Гришин

НА СЕВЕР!

Оптимистический постапокалипсис.
История вторая

Сергей Гришин
На север! Оптимистический
постапокалипсис.
История вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43312981
ISBN 9785005013651

Аннотация

Со времени путешествия Ивана-царевича в поисках Василисы прошло не так уж много времени. И вот в небесах появляется корабль с драконом на носу. К чему бы это? А к тому, что предстоит ему путешествие на север, мир скандинавских и карело-финских сказаний.

Содержание

На север	5
1	8
2	13
3	17
4	21
5	26
6	30
7	34
8	38
9	45
10	50
11	54
12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

На север!
Оптимистический
постапокалипсис.
История вторая

Сергей Гришин

© Сергей Гришин, 2019

ISBN 978-5-0050-1365-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На север

Первыми проснулись мухи. Лишь только начало светать, эти маленькие мохнатые чудовища, бодро жужжа, принялись топтать меня, точно стадо коров, выпущенное на луг после зимнего застоя. И если танцы на простыне не вызывали желания размазать наглых плясунов до толщины, несоизмеримой с жизнью, то щекотание лапками носа бесило жутко. Я, признаться, пожалел, что не обладаю лягушачьими охотничьими способностями и липким снайперским языком. Хотя, муху в рот? Фу, гадость!

В результате этим жутким монстрам удалось загнать сонного меня с головой под простыню. Ещё какое-то время я слышал, как они совершают над горой, в недрах коих покоилось моё сонное тельце, свои головокружительные пируэты, временами врезаясь в оконное стекло. Потом то ли мухи устали, то ли я закемарил, но мушиный шум перестал меня беспокоить.

Только я вновь начал проваливаться в сладкие объятия Морфея, как затараторили сороки. Они стрекотали столь упоённо, что я ни мгновения не сомневался в скором получении от своего ушастого переводчика полного и подробного отчёта об утренних крылатых новостях. Не знаю, с чего уж Ницше решил уделять им своё драгоценное время. То ли заняться ему не чем, то ли он действительно проникся своей

ролью соглядателя в мире зверья. И хорошо, если свой доклад ослик совершит после завтрака, когда я навещу его на конюшне. Этот неугомонный ведь может...

Ну, точно. Копытца дробно простучали по доскам пола. Дверь скрипнула и ударилась о стену, распахнутая лёгким ударом моего четвероногого друга.

– Иван! – заорал с порога Ницше. – Срочные новости!

Подушка, брошенная на звук его голоса, цели, судя по всему, не достигла. Потому как после короткого дробного перестука копыт восторженная речь продолжилась уже гораздо громче, то есть, ближе к моему подпростынному убежищу.

– Как сообщают наши специальные корреспонденты, кошка Мурка, та, что живёт под усадьбой Отрыжкиных, родила котят. Трое чёрных, так что понятно, что Барсиковы. А вот кто папаша рыжего – об этом даже сороки не ведают.

– Бр-р-р-з-з, – недовольно оборвал докладчика я.

– Что, совсем не интересно?

– Хр-р-р...

– Ну, тогда более важная новость. На Недостроевской свалке выкинули большую партию каких-то странных блинов. Они, как говорят, синие, но жутко вкусные. С самого утра там творится нечто невообразимое – собаки, кошки, вороны, даже свиньи со всей округи сбежались попробовать. Их там столько собралось, что даже местные шаромыжники боятся приближаться. Мои пернатые источники тоже собрались всем кланом на это мероприятие... Надеюсь, эти блины

не просрочены. Иначе возможна экологическая катастрофа. Может, сгоняем, попробуем?

– М-м-м-прст...

– Ну, нет так нет. Тогда последнее сообщение. По данным источников, близких к достоверным, на наших южных рубежах завелось Чудо-Юдо. Оно жрёт посевы репы и гоняет работников репостроительного хозяйства.

– Бртыдыштуту, – пробормотал я.

– Нет, Степану ещё не докладывал, – понял мои возражения ослик. – Но не могу же я, что называется, прыгать через голову. Хотя, – продолжил Ницше задумчиво, – я, конечно, и не такое могу.

– Хр-р-м-мм-ням-ням...

– Может и зашибить спросонья, – согласился ослик. – Если попадёт. У вас, двуногих, прицел после сна ещё настраивать надо. Но я всё равно решил не рисковать. Твои поправки на сон я уже знаю, а у него могут быть другие.

– Бу-бу-ззззззз...

– А вот это уже наглость! – возмутился Ницше. – Такого ты от меня требовать не имеешь права! Если бы здесь была Василиса, она бы тебе то же самое сказала!

– Хр-р-р...

– Ну, всё, Иван! Напросился! Ку-ка-ре-ку!!!

От этого вопля я тут же скатился с кровати, изрядно приложившись филейной частью об пол.

– Ну и зараза же ты, осёл, – пробормотал я, принимая вер-

тикальное положение.

– Я не позволю замалчивать правду!

– Какую ещё правду? – с трудом разлепив глаза, я натянул на себя рубаху.

Услышать ответ мне не довелось. Послышались тяжёлые шаги, и в мою комнату, поигрывая тяжёлой сковородой, во-
рвалась Жанна:

– А ну, брысь отсюда, скотина невоспитанная!

Ницше совершил невероятный для осла прыжок и тут же очутился за дверью. Кухарка погрозила ему на прощанье своим оружием и пробурчала:

– Ходят тут с немытыми копытами!

– Спасибо, Жан, – я обнял её и искренне улыбнулся.

– Да чего там, – взмахнула кухарка своей мощной дланью. – Ты ж без присмотра остался. А когда мужик остаётся без присмотра, к нему не то что ослы, к нему козлы начинают ходить! Когда Василиска обещала вернуться из этой своей... спедиции?

– Говорила, что на неделю уезжают, – пожал я плечами. – Бронислав Матвеевич, правда, не был столь уверен в сроках.

– Не дело это, – покачала головой Жанна. – Жена при муже должна быть.

– Она при отце. К тому же, он наш... хм... союз не считает законным.

– Чойта? – удивилась кухарка.

– У них наверху свои законы, – мне оставалось только раз-

вести руками.— Да и я, в целом, с ним согласен. Откровенно говоря, наша викторина и у меня вызывает большие сомнения.

Я имел в виду, разумеется, наш обычай выбора сезонной невесты для знати. Так называемую викторину «Добры молодцы», благодаря которой мы с Василисой и были объявлены царём-батюшкой мужем и женой. Никакой романтики.

— А чо ей надо? — проворчала Жанна.— Ты парень видный. Кроме того, завидный жених. Да и какие у этого Бронислава могут быть сомнения после того, через что ты прошёл ради Василиски?

Я примирительно улыбнулся.

— Ты за нас не переживай. Просто у нас прогрессивные отношения.

— Какие-какие? — кухарка выпучила на меня глаза.

— Не важно, — отмахнулся я.— Главное, что всё будет хорошо.

— Ну, ладно. Раз ты так говоришь, — Жанна развернулась к двери.— Пойду работать.

Я решил, что снова ложиться уже не стоит. Сходил до колодца, вляпавшись по пути в грушевую падаль. Умылся ледяной водой, разогнав остатки сна. Сел на лавке, соскрёб с подошвы левого сапога раздавленную грушу и огляделся.

Утро выдалось прекрасное. Даже несмотря на обилие развесёлых августовских мух, наслаждающихся последними своими вольными деньками. Рассветное солнце окрасило пушистые облака розовым, превратив пейзаж в нечто прекрасное, сказочное и требующее запечатления. Но художника у нас нет. А Василиса уволокла наш единственный гаджет, способный запечатлеть это чудо в цифровом виде. Согласен, ей в путешествии Ангелина пригодится. Но всё равно обидно.

Если кто вдруг забыл, или вовсе не знал, Ангелина – это навигатор с замечательным, хотя и искусственным, интеллектом. А ещё со скверным характером.

Кстати, по поводу характеров. Интересно, а куда ускакал мой собственный ушастый корреспондент?

В ответ на этот невысказанный вопрос из-за бани послышался знакомый голос, оравший на подозрительно знакомый мотив подозрительно странные слова:

Прыткий вуман улицей шустрит

Прыткий вуман выбрит и умыт
Прыткий вуман
Айда белить забор в жару
Как перст один я мух ловлю
Мурзик!

– Мурзик? – удивлённо спросил я, догнав непарнокопытного певца.

– Из песни слова не выкинешь! – ослик оскалил зубы в улыбке.

– Это где же ты такую странную песню услышал?

– У Парамоши. Когда гидом работал. Кстати, ты не знаешь, кто такой этот вуман?

– Не знаю, – я пожал плечами, – фамилия, наверно.

– Вроде Вассермана, Гусмана, или Бэтмана? – оживился Ницше.

– М-м-м... наверно. А кто все эти люди?

– О-о-о! – ослик закатил глаза, словно удивляясь моей неосведомлённости. – Как можно, Иван? – И с гордым видом процокал в сторону конюшни.

Я озадаченно потёр нос. Вассерман... Что-то знакомое... Кажется, что-то с древними героями-атлетами связано. В памяти всплыло словосочетание «реакция Вассермана». Точно. Наверняка, какой-нибудь боксёр, прославившийся молниеносной реакцией.

А Гусман? Что-то с гусями связано? Похоже, что так... Должно быть, прославился своей гусиной фермой. Или это

он придумал паштет из гусиной печени?

А Бэтман тогда кто? Бэта, насколько я знаю, вторая буква в греческом алфавите. Так что Бэтман – второй человек? А кто тогда первый? Альфман? Не помню такого...

Ну, допустим. А Вуман?

Решив не гадать без толку, я решил спросить у самого Ницше хотя бы про троих первых и зашагал в сторону конюшни. Но, обойдя баню и миновав поруб и казармы, обнаружил ослика, вылетающего из дверей царских палат.

– Я буду жаловаться царю! – выкрикнул он.

Тут же в него полетел крупный помидор. Ницше отпрыгнул. Выругался, кажется, по-немецки. Лично я опознал что-то про Донора Ветра. Прочие слова оказались мне непонятны.

Тут ослик заметил меня и потрусил навстречу.

– Вот что вы, люди, за люди? – возмущённо проговорил он, приблизившись на десяток метров. – Я им новости сообщая раньше всех, а они меня помидором!

– Так ты что, хотел прорваться к царю и сообщить о... синих пирогах? – усмехнулся я.

– Да там уж, поди, всё сожрали, – Ницше сделал попытку отмахнуться. – Я, может, и осёл, но не дурак. Меня больше Чудо-Юдо беспокоит.

– А-а, – протянул я. – Но ты же знаешь, у нас за эти дела Степан отвечает. Пойдём к нему.

– Не пойду, – упёрся ослик. – Он обещал меня прибить

за уши к забору, если я ещё раз начну к нему приставать со всяким вздором.

Как я понимаю своего старшего брата! Наверняка, Ницше успел достать его своими чрезвычайными новостями о котятах, всяких отбросах и прочем важном мусоре.

– Ладно, пойдём вместе, если один боишься.

– Я уже предвижу, что он скажет, – вздохнул ослик. – «Неужели, Иван, ты веришь этому ушастому болтуну? Шлёпанцы Суворова!»

– Вполне возможно, – я согласно покивал головой. – Жаль, Ангелины сейчас здесь нет. А то бы посмотрели, что там, на репостроительном, творится.

Наша навигаторша каждый час получает информацию с каких-то там спутников, что порхают над планетой. Эта возможность сильно облегчила нам жизнь в прошлый раз, когда я искал свою похищенную жену. Но теперь она же и уволокла Ангелину с собой. Но это я уже упоминал.

– Ну, хорошо, – наконец, проговорил я. – Давай сгоняем на разведку. Поглядим и расскажем Степану.

– Я боялся, что ты так скажешь, – вздохнул Ницше.

И вот мы уже пылим по дороге, ведущей к Чуднинскому репостроительному хозяйству. Ослик по привычке возмущается, что я его оседлал. Я же сохраняю каменное выражение лица и посматриваю из-под ладони на горизонт.

– Слушай, а кто всё-таки эти Вассерман, Гусман и Бэтман? – вдруг вспомнил я поставивший меня недавно в тупик вопрос.

– Откуда я знаю? – раздражённо отозвался Ницше.

– Ты же сам утверждал, что не знать их – верх тупости!

– Нет, Иван, я такого не говорил! Это ты уже сам после домыслил и сам себя обозвал. И вообще, я – простой осёл.

Я онемел. Это непарнокопытное меня развело, заставив почувствовать себя полным кретином!

– Но, откровенно говоря, – Ницше покосился на меня лукавым глазом, – однажды я слышал древнюю человеческую поговорку. «Самый умный из землян – это Толя Вассерман». Так, кажется.

– Хм, а я думал, что он боксёр, – хмыкнул я.

– С чего такое нелепое предположение?

– Когда-то слышал словосочетание «реакция Вассермана», – пояснил я. – Показалось, что для боксёра лучше всего подходит.

– Видимо, замечательный был человек. И умный, и силь-

ный. Может, он ещё и красивый был? Хотя, нет. У людей так не бывает. Вот если бы он был осликом...

– А про остальных что-нибудь можешь сказать?

– Мне кажется, это персонажи древнего заокеанского эпоса... Как же его? Мурвел, что ли? Короче, в переводе с пиндосовского, один – человек-гусь, а второй – человек-кровать... нет, погоди, не кровать... летучий мыш, что ли?

– Ну, этого добра и у нас навалом было после Последней Войны, – я махнул рукой, сбивая на лету кружившую около нас уже несколько минут жирную муху. – Кстати, в той лаборатории, откуда тебя Степан привёз, тоже были человек-паук и человек-муха. И, насколько я помню, ещё поросёнок по имени Эльф. Странное имя для свиньи, не находишь?

Ницше вдруг резко остановился.

– Что-нибудь случилось? – насторожился я. – Учужал кого?

– Ну, я и осёл! – вдруг воскликнул осёл.

– Я в курсе, – сообщил ему я. – А случилось-то чего?

– Вуман – это ж женщина по-английски! А я-то всё думал, о чём же песня? Думал, там о любви, а там опять про баб!

– Так ты ж её, вроде, по-нашински пел, – усомнился я. – Почему-то у тебя женщина получается мужского рода, да ещё и выбрита.

– Ну, я пел так, как запомнил. А вот почему я так запомнил – это уже другой вопрос.

– Кстати, бородатые женщины, как я читал, до Последней Войны были не столь уж редким явлением, – я напряг па-

мать, припоминая тонкий гляцевый журнал, попавшийся мне как-то в библиотеке князя Скопина. Там ещё была статья с изображением победительницы музыкального конкурса, чернявой тётки с растрёпанной бородой.

– Читаешь ты всякую гадость, – укорил меня Ницше. – Лучше бы что-нибудь из Ароза нашего Азорина вслух почитал. Он весёлый.

– Да я ничего наизусть не помню. А книжку Наташке вернул. Кстати, с автографом автора. Представляешь, как она обрадовалась?

– И когда это ты только успел у него автограф взять? Погоди-ка, – ослик вновь остановился. – Кажется, мы уже рядом.

Я слез со спины друга. Всмотрелся вдаль. За горами развалин древних жилищ вился дымок. Явно не пожар. Скорее всего, жгут отходы производства.

– Вроде, всё спокойно. Но, в любом случае, надо подобраться поближе. Или хотя бы забраться повыше, – я посмотрел на проволочный каркас, снизу облепленный крошащимся от времени камнем, а выше поднимающийся заржавевшим скелетом.

Говорят, раньше так строили. Облепляли такую проволочную паутину каким-то раствором, и так всё выше и выше. Но мне, откровенно говоря, не верится. Из дерева, несомненно, надёжнее будет. Хотя, от этих древних людей и не того можно ожидать. Уж если у них бородатые бабы были.

Я подпрыгнул, ухватился за проволоку.

– Ты там поаккуратнее! – взволнованно воскликнул Ницше. – А то батута внизу нет. Если шмякнешься – я тебя не соберу.

Буркнув что-то невразумительное в ответ, я довольно бодро вскарабкался метров на десять. Откровенно говоря, это далось мне легко. Вот, помню, лазил я по Чёртову дереву, выросшему в центре Кощеева логова – это было действительно трудно.

Сверху репостроительное хозяйство выглядело так же мирно, как и снизу. Дымок исходил из одной, самой большой, избы. Будто там собралось человек пятьдесят и дружно закурили. Но на пожар всё равно не похоже.

– Надо бы всё-таки подобраться поближе, – пробормотал я и начал спуск.

Несколькими метрами ниже проволока вдруг не выдержала, нога моя провалилась. Состарившийся металл прорвал левую штанину и оцарапал ногу чуть выше колена. Я поморщился и продолжил спуск, ступая уже осторожнее.

– Иван, ты в порядке? – подскочил ко мне обеспокоенный ослик. – Я всё видел! Это было опасно!

– Ничего страшного, – отмахнулся я, – небольшая царапина.

– Да фиг с ней, с царапиной! Ты памятник архитектуры неизвестно какого века чуть не обрушил! Что бы потомки сказали?

Мы открыто подошли к плантации репы. Странно, но никто нас не встретил. Никто не работал на поле, несмотря на то, что рабочий день уже начался. Это вызывало некоторое беспокойство. Может, все решили выпасться?

Репа в этом году, похоже, уродилась на славу. Тут и там торчали целые кусты ботвы. Выглядывавшие из-под листвы репкины верхушки были в диаметре от полуметра у самых мелких до двух метров у самого крупного экземпляра. Чтобы вытащить его из земли наверняка понадобится помощь всех обитателей хозяйства, включая собак, кошек и мышей. Хотя... Вот я бы лично не доверил грызунам такой ценный и питательный продукт.

И как же эту громадную репку вытаскивать, если ботва оборвана? Вон он, этот разросшийся куст, валяется между грядок, изрядно обгрызенный. Кто это его так? Неужели упомянутое сороками Чудо-Юдо? Да верхушка не просто оборвана, а обломана.

– А что, – обратился я к Ницше, – сороки его прямо так и называли?

– Кого? – не понял мой товарищ.

– Чудо это.

– Сорочий язык особый, – пояснил ослик. – Он требует толкования. Лично я перевёл так. Откровенно говоря, они

считают Чудом любого, кто ведёт себя вопреки их ожиданиям.

– То есть они могли так и меня назвать, когда я волок тебя из Тараканьего леса? – хмыкнул я.

– Вполне, – согласился Ницше и вдруг остановился.

Я проследил за его взглядом. Из-за зарослей ботвы средней репы в третьем ряду выглядывала чумазая детская головка.

– Привет! – я лучезарно, как мне показалось, улыбнулся и помахал рукой.

Худенькая фигурка выступила из-за корнеплода. Это была маленькая девочка в испачканном цветастом платице. Она недоверчиво постреливала в мою сторону белками огромных глаз.

– Не бойся, – я сделал два медленных шага навстречу. – Что здесь произошло? Где все взрослые?

Девочка молча шагнула ко мне. Точно на такие же два шага.

– Иван, что-то с ней не так, – тихо произнёс Ницше.

– Ничего особенного, – не согласился я. – Она просто напугана.

– Я тоже, – фыркнул ослик. – И пугает меня именно она.

Мы с ребёнком сделали ещё несколько шагов навстречу друг другу. Вдруг её взгляд опустился куда-то вниз. Куда-то в область моих коленок. Носик сморщился, ноздри раздулись, словно девочка принюхивалась. А в следующий миг

она с места рванула в мою сторону.

Я получил предательский удар под колени и грохнулся на спину. Маленькое стремительное тело пулей пронеслось надо мной с разочарованным визгом. Я тут же перекатился и, опираясь на одно колено, поглядел на противницу.

Маленькая девочка почти не изменилась. Только носик-кнопочку исказили складки, взгляд из недоверчивого стал злым, а из-под верхней губы показались аккуратные такие клыки.

– Что это с ней? – спросил я ослика.

– Учужала кровь. Древняя проволока спасла тебе жизнь.

– В каком смысле? – я чуть было не оторвал взгляд от девочки-вурдалака.

– Представляешь, что было бы, если бы она заманила тебя куда-нибудь в дом? А ведь ты пошёл бы как миленький! А если она не одна?

– Что предлагаешь?

– Смываемся!

– Думаешь, она нас отпустит? – усомнился я.

– Тебя, может, и не отпустит. А я, пожалуй, сбегая за подмогой!

– Думаешь, она не предпочтёт костлявому мне жирного ослика? – я возмущённо повернулся к своему непарнокопытному спутнику.

– Ты, что, назвал меня толстым?! – закричал на меня Ницше и тут же повернулся к вражине:– Девочка, я разве тол-

стый?

Маленькая вурдалачка ничего не ответила. Но нападать она тоже не спешила. Кажется, наш нелепый спор её заинтриговал.

– Да я, между прочим, самый стройный на нашей конюшне! – продолжал сокрушаться ослик. – Эти лошади гораздо более питательные во всех отношениях! Слышь, вурдалачка, – Ницше повернулся к чудовищу, – хочешь лошадку?

– Ты ей ещё петушка на палочке предложи! – не уступал я, коротко глянув на ушастого собеседника. – Ей мясо нужно! Сырое! Здесь и сейчас!

– Думаешь, мясо? А что ж она тогда на твою царапину позарилась? Кровь ей нужна! А в тебе кровищи больше! И она это... вкуснее. Деликатеснее. А ещё, – ослик прыгнул ко мне, – у меня, между прочим, резус-фактор отрицательный!

– И что? – нахмурился я.

– Могут быть проблемы!

– У нас уже и так проблемы!

– У нас бы не было проблем, если бы ты серьёзно относился к моим новостям и взял с собой хотя бы какое-то оружие!

– Я бы взял, да ты мне не дал ни одной лишней минуты!

– Что, совсем ничего нет? – ослик округлил глаза.

– Вот, – я порылся в карманах и выудил ту штуку, которую Яга называет крутилкой для идиотов. – Спиннер. Говорят, развивает мелкую моторику.

Я высоко подбросил безделушку, одновременно раскру-

тив вокруг оси. Она взлетела с низким жужжанием и засветилась красным, синим и зелёным. Я подставил руку, чтобы поймать спиннер, но мелькнула тень, подул ветерок, и идиотская крутилка оказалась в цепких ручонках вурдалачки, а та, в свою очередь, шагах в двадцати от меня. Опасная деточка вовсю забавлялась с новой игрушкой.

– Глянь, как увлеклась, – ослик положил мне голову на застывшую в ожидании возвращения спиннера ладонь. – А ты говорил, что оружия нет.

– Быстро и тихо смываемся отсюда! – проговорил я.

Вот никогда бы не подумал, что эта глупая безделушка спасёт мне жизнь. Но факт остаётся фактом. Мы беспрепятственно ретировались и устремились к царским палатам.

Пусть этими вурдалаками, или кто они там есть, сколько бы их там ни было, и какими бы свирепыми и быстрыми они ни были, Степан занимается. Брат в подобных делах гораздо более сведущ. Да и не попрётся он к ним один, да ещё с голыми руками.

– Между прочим, я тебе жизнь спас, – заявил Ницше, лишь только мы отделились на достаточное расстояние. – Если б я тебя не боднул под коленку, она бы тебе горло порвала! А ты опять на меня садишься! Как это по человечески!

– Нам же важно побыстрее добраться до подворья! Ты, конечно, не рысак. Но всё равно мне с тобой в скорости не тягаться. И, да. Огромное тебе спасибо, – я наклонился к голове ослика и чмокнул его в макушку.

Он всхрапнул на манер коня и чуть ускорился.

– Интересно, насколько её заинтересовала вещица? – пробормотал он спустя десяток шагов. – Как бы не догнала нас...

– Надеюсь, надолго. Мне вот интересно, что за тварь такая? Одна ли она? И откуда пришла? Какие жертвы среди работников?

– Мы же не собираемся вернуться и поискать ответы? –

вскинул голову ослик.— На это компетентные органы существуют!

— Органы? — удивился я.

— Ну, орган. Степан Никанорыч, собственной персоной. Хотя, он же не один. У него дружина есть. Так что, всё-таки, органы. Внутренние. Вкусные, сочные, питательные внутренние органы... О чём это я? — спохватился Ницше.

— С чего такая кровожадность? — усмехнулся я.— Странно слышать подобное от милого и дружелюбного травоядного существа.

— Это я-то травоядный?! — непонятно с чего заспорил ослик.— Я больше фрукты-овощи люблю. Особенно, яблочки. Зерновые, опять же. А трава... Нет, я конечно и травы могу пожевать. Без особого аппетита. Но ведь и люди тоже её едят иногда. Ещё режут зачем-то. Портят вкусные огурцы и помидоры. Смешивают, поливают какой-то гадостью.

— Хорошо, что тебя сейчас Жанна не слышит, — я хмыкнул, представив, как кухарка гоняет своей сковородкой моего ушастого друга. Впрочем, ему не привыкать.

— Жанна хорошая, — протянул Ницше.— Только не понимает очевидных вещей.

— Это каких, например?

— Что утренние новости важнее сна.

— Знаешь, в этом я с ней полностью солидарен.

— А ещё она не терпит грязи. А грязь, между прочим, приносит огромную пользу организму, — назидательно прогово-

рил ослик.

– Это ещё почему? – удивился я.

– Когда существо постоянно возится в грязи, у него вырабатывается такой иммунитет, что никакая болезнь с ним не справится! – безапелляционно обосновал он. – Вот ты, например, видел когда-нибудь больную муху? Чтобы она чихала, кашляла?

– Нет, – откровенно ответил я.

– Вот! А муха ведь постоянно в грязи копошится!

От подобного доказательства у меня глаза на лоб полезли. И ведь не поспоришь.

– А тараканы? Они ж вообще неубиваемые! Их кроме тапка ничего не берёт! – Внезапно ослик резко понизил громкость и выдал: – И девочка эта, вурдалапочка. Помнишь, она тоже вся какой-то грязью непонятной вся измазана была.

– Думаешь, она поэтому такая шустрая? – хмыкнул я, в очередной раз восхитившись фантазии приятеля. – Грязь какая-нибудь лечебная?

– А что, если эти вурдалаки родились в этой грязи? – предположил Ницше. – В этом, как его... в гумусе! Или сапропели, что бы это ни было. А когда работники стали удобрять репу, потревожили их гнездо. А в гнезде птенцы. Или яйца. Вот они и обиделись.

– Стоп. Какие птенцы? – я попытался остановить словесный поток. – Какие яйца? Это же вурдалаки!

Но мой ушастый приятель был неудержим:

– А кто сказал, что они не несут яйца? Это, насколько я знаю, вид совершенно не изученный. Редкий, к нашему счастью.

– Для нас главное, что у них всё-таки есть дети, – я снова вспомнил, как девочка увлеклась спиннером. – Нормальные дети, которые любят новые игрушки.

– Я б тоже покрутил, – со вздохом сообщил ослик. – Только у меня пальцев нет.

Я нашёл Степана на тренировочной площадке. Он гонял свою дружину. В момент, когда я подошёл к ограде, перед братом, потирая плечо, стоял лишь Гаврила Отрыжкин. Остальные восемь молодцев, включая Закидона и Утырка, сидели и лежали на утопанной земле, постанывая. Да ещё довольный Яков стоял в сторонке. К нему-то я и направился.

– Здоров будь, царевич! – поприветствовал меня здоровяк, заноса руку для приветственного тычка.

– Они хоть в состоянии будут службу нести? – я указал на вяло шевелящиеся тела спарринг-партнёров старшего брата.

– А то ж! – хохотнул Яков. – Как миленькие вскочат и побегут! А что, намечается?

Я кивнул. В следующую секунду Гаврила врезался в ограждение рядом со мной. Толстая жердь громко хрустнула.

– Опять починять, шлёпанцы Суворова! – Степан подошёл к нам и с задорной искрой во взгляде спросил:– Что, малой, не желаешь силушкой померяться?

– Окстись, Стёп! – я вытаращил на брата глаза. – Защищёшь ещё ненароком, не успею новости сообщить!

– Что за новости?

Я поведал о нашей утренней разведке.

– Подъём!!! – проорал Степан, обеспечив мне звон в ушах на ближайшие полчаса.

Дружинники резво повскакивали и поспешили к своему командиру.

– На Чуднинское репостроительное хозяйство совершено нападение, – зычным голосом сообщил соратникам брат. – Враг неизвестен. Предположительно – нежить. Но точное определение, как и численность, мы узнаем на месте.

– Иван же сказал, вурдалаки! – пробурчал снизу Гаврила. Он, пользуясь тем, что командир стоит рядом, не спешил вставать. Ему и так всё было прекрасно слышно.

– Это ещё не известно, – сурово поглядел на него Степан. – Одна маленькая девочка с длинными зубами – ещё не повод говорить о нашествии вурдалаков.

– А у нас камер там нет? – поинтересовался Утырок.

– По-моему, нет, – покачал головой брат. – Далеко слишком. Хотя, надо у Кулиба спросить.

– Должна быть! – уверенно проговорил Василий Стрелков. – Моя ж прошлая жена, Луша, из тамошних. А раз наш рандом смог её выбрать, значит есть там камеры. Хотя бы одна.

– Добро, – Степан кивнул головой. – Мы с Ваней прогуляемся до Кулиба. А вы готовьтесь. Через полчаса чтобы были готовы. Полное вооружение.

Дружинники загомонили и разошлись. А мы с братом поспешили к нашему придворному технику.

– Ну и чудик ты, малой, шлёпанцы Суворова! – усмехнулся Степан. – Это ж надо, поверить бредням болтливого осла!

– Ты же знаешь, он все уши прожужжит, если его проигнорировать, – я пожал плечами.

– Я б ему промеж ушей прописал. Тут же и успокоился бы!

– Как видишь, его сведения оказались полезными.

– Ну, это мы ещё посмотрим.

Кулиб сидел перед стеной мониторов, положив ноги на стол и похлёбывая травяной взвар из своей огромной кружки.

– Привет, кибернетик! Дело есть, – с порога провозгласил Степан.

Техник вздрогнул и пролил себе на штаны горячий напиток. Вскочил, похлопывая себя по ошпаренной ляжке.

– Зачем так пугать?! – он зло зыркнул на Степана.

– Бдеть надо на важном посту! – припечатал брат.

– Что за дело-то такое срочное, из-за чего человека до инфаркта стоит доводить? – буркнул Кулиб, снова занимая место за мониторами.

– На Чуднинском камеры есть?

– Ну, есть парочка.

– Показывай.

Кулиб навис над клавиатурой и забегал по ней пальцами.

– Вот и вот, – он указал на два центральных экрана.

– Так себе качество, – хмыкнул я, глядя на рябь, среди которой смутно угадывались контуры домов.

– Нормальное, – скривил губы техник. – Это ты привык ко всяким там штучкам из Верхнего мира. А у нас всё по-простому.

– Да я вообще удивляюсь, откуда там камеры взялись? Плантация же весьма далеко от нас.

– Извернулись, – буркнул Кулиб.

– Ничего не видно, – вздохнул Степан. – Давай на всякий случай запись с ночи посмотрим.

Следующие полчаса мы пытались хоть что-то разобраться на древних мониторах. Единственное, что мы поняли, так это то, что весь народ около четырёх утра пробежал толпой под одной из камер.

– Чепчик Маннергейма! – воскликнул Степан. – Куда это они ломанулись?

– Утренняя пробежка? – предположил Кулиб. – Здоровье народа в любое время года?

– Кто-то их напугал, – задумчиво проговорил брат.

– Вурдалаки, – со знанием дела вставил я.

– Не будоражь народ раньше времени, – Степан наградил меня суровым взглядом. – Съездим с парнями, разберёмся. А ты пока останешься за старшего. Или хотел с нами прогуляться?

– Нет уж, спасибо. Мне утренней поездки хватило.

Тишка издал прощальный гудок. Дружина во главе со Степаном вылетела со двора и устремилась к Чуднинскому хозяйству.

– Куда это они? – раздался за моей спиной голос отца.

Царь стоял на пороге палат, заспанный и слегка отёкший. Кажется, они вчера с Сафоном, нашим глашатаем по связям с общественностью, засиделись до... до сегодня. Помню, когда я поздно вечером проходил под окнами палат, оттуда доносились тоскливые песни. Что-то про тёмные силы, которые нас злобно гнетут, а ещё про какой-то дельтаплан.

– На репостроительном какая-то дичь происходит, – я обернулся к отцу и сделал пару шагов навстречу.

– Что за дичь? – не понял он.

– Пока не ясно. Я там был утром. Народ куда-то весь делся. А меня какая-то девочка странная встретила. С длинными клыками.

– Вампирша? – ахнул царь.

– Вроде, нет, – я пожал плечами. – Уже светло было. А они, кажется, не могут на свету. Я почему-то решил, что она – вурдалак.

– А я что сказал? – брови отца поползли вверх.

– Вампир.

– А что, есть разница?

– Трудно сказать. Они ж это, – я вспомнил слова ослика, – существа неизученные, редкие... к нашему счастью.

– Вот что я тебе скажу, – отец взял меня под локоть и увлёк под козырёк перед входом. – Видал я вампиров. Гадкие и не очень похожие на людей твари.

– Тогда это не они. Та девочка – вполне нормальный человеческий ребёнок. Ницше её даже вурдалапчонкой назвал.

– Или мои вампиры какой-то другой породы были. Мои, допустим, легавые, а твои – гончие.

– Вампиры, вурдалаки – главное, чтобы Степан с ними разобрался.

– Справится, – кивнул отец. Правда, в его голосе не чувствовалась абсолютная уверенность.

– Твоих как, обычное оружие убивало? – спросил я на всякий случай.

– Да спалили их нафиг, и вся недолга! – махнул рукой царь.

– Расскажешь?

– Я уж толком и не помню. Это, кажется, было уже когда я здесь править стал...

Со стороны ворот раздался гомон.

– Это ещё что такое? – Никанор нахмурился.

На дороге показалась внушительная фигура Абрама, среднего царского сына и нашего министра финансов, если можно так сказать.

– Нападение! – задыхаясь, прокричал он. Подбежал к нам

и, схватившись за грудь, попытался отдышаться.

– Что ж за день-то такой сегодня! – воскликнул батюшка. – То одно, то другое!

– Понедельник, – со знанием дела протянул я.

– Кто хоть нападает? – обратился Никанор к Абраму.

– Верхние! – с трудом выговорил тот. – Корабль летучий спускается! Страшный!

– Вот те на, – царь выглядел весьма расстроенным. – А у нас дружина только что уехала.

– Погодите поднимать панику, – успокоил я отца и повернулся к Абраму: – Почему ты сказал, что корабль страшный?

– У него на носу – дракон! – выпучил глаза брат.

– Странно. Что-то я не помню подобных украшений у Верхних.

На горизонте, чуть выше забора, и вправду появился летучий корабль. Именно корабль. Я бы сказал, ладья. Вёсла, правда, не взбивали пену волн. Да и не могло их быть в облаках. А в остальном – очень похоже на древнее судно. Даже полосатый парус возвышался над палубой. И щиты круглые вдоль бортов.

– Что-то не похоже это на нападение Верхних, – проговорил я. – Вы, на всякий случай, запритесь. А я выйду, погляжу, что за гости.

Странный летучий корабль тем временем приземлился на широкой площадке перед воротами царского подворья.

Я настороженно пошёл к нему, не отрывая глаз от борта,

на котором странным изломанным шрифтом была выведена надпись «Варяг». Сзади стукнули, закрываясь, ворота. Чуть скрипнул запираемый изнутри засов. Кажется, отец слабо протестовал. Но Абрам что-то уверенно пробасил в ответ.

Из-за изгородей и домов выглядывали встревоженные лица горожан. Однако никто не спешил встать со мной рядом.

Вдруг борт корабля изменил свои очертания. Что-то посередине поднялось, и тут же на землю опустился массивный трап. С замиранием сердца я ждал, когда на него ступит кто-то из команды судна.

Лишь спустя минуту наверху показалась человеческая фигура. Никакой брони, никакого оружия. Седые волосы, старенький пиджак.

Моё лицо расплылось в улыбке. Я узнал пришельца.

Аркадий Петрович сошёл по трапу с летающего судна и распахнул свои объятия:

– Рад приветствовать тебя, Иван, в вашем тридевятом царстве!

Я позволил обнять себя пожилому поэту, похлопав его в ответ по спине. Потом, отстранившись, задал вопрос, который почему-то в первую очередь вызвало в моей голове его приветствие:

– А с чего это у нас тридевятое царство? Нас никто таким никогда не именовал. Да и вообще, названия у нашего, прямо скажем, небольшого государства нет. Нет ни флага, ни гимна. Если соседи к нам собираются, говорят: «поехали к Никанору».

– Это большое упущение! – Ароз Азорин воздел палец к небу. – А если Верхние с вами захотят поддерживать дипломатические отношения?

– Шутишь, да? – я скептически посмотрел на гостя. – С чего бы им с нами так миндальничать? Кроме того, мы у них наверняка уже под каким-нибудь номером числимся. Так что там насчёт твоей странной фразы про тридевятое царство?

– История уходит корнями в древность, – придав своему голосу таинственности, начал повествование Аркадий Пет-

рович.— Тогда на земных просторах, мизерную часть которых занимает ваше государство, была огромная страна. Столицей, как ты знаешь, был прообраз нашего летучего города. Или, если точнее, наш город — это прообраз того, древнего. Стоял он, конечно, на земле, и был не в пример больше того, что порхает сейчас над нашими головами.

— Москва — резиновая, — вспомнил я слышанное в моём предыдущем путешествии выражение.

— Так вот, была она столицей огромного государства. И было это единое государство с едиными законами. Правда, для кого-то они были законнее, чем для других. Но это, как показывает история, обычное дело.

Я согласно кивнул, а поэт продолжил свой рассказ:

— И была в этом государстве единая служба гонцов, гордо именуемая Почтой России.

— Полезный департамент, — оценил я, продемонстрировав филологические знания, которых, впрочем, мой собеседник не оценил.

— Со временем смысл её стал всё более размытым, — Аркадий Петрович взял меня под локоть, увлекая в сторону запертого царского подворья, где беспокойно маячили головы царя-батюшки и Абрама.— С появлением мощных информационных сетей доставка газет и журналов практически сошла на нет. Посылки гораздо быстрее доставлялись другими курьерскими службами. Более того, из-за особенностей структуры Почты эти посылки терялись в пути, совершая

немыслимые маршруты в попытке попасть в соседний город. Но финальный удар, так сказать, удар милосердия, нанесла Почте России пенсионная реформа, затеянная тогдашним правительством.

– Пенсионная реформа? – удивился я, попробовав словосочетание на вкус. – Слово реформа я знаю. Буквально оно означает изменение формы. А по сути – перестройку чего-либо. Вроде сарая или бани. Правда, у нас никто не говорит «реформа бани». Но, может, это от тотальной безграмотности простого населения. А вот что означает слово «пенсионный»?

– Как бы тебе объяснить, – поэт почесал нос. – Раньше государство заботилось о пожилых людях. Ведь они – изрядный процент электората...

– Чо? – я нахмурил лоб.

– Понимаешь, правительство было выборным.

– Оно и у нас выборное, – я пожал плечами. – Батюшка сам выбирает, кто будет в нём штаны просиживать.

– А в те давние эпические времена правительство выбирал народ, – Аркадий Петрович вновь воздел кверху палец.

– Батю тоже народ, можно сказать, выбрал, – снова пожал плечами я. – Тогда, правда, у народа особенно выбора не было. Ну, а потом отец, не будь дурак, позаботился об отсутствии конкурентов.

– Иван, ты сегодня меня постоянно перебиваешь! – возмутился нежданный гость. – Будешь ты меня слушать, или я

замолкаю?

– Прости, пожалуйста, – повинился я. – Просто меня все эти исторические перипетии несколько одурманивают.

– Так вот. Правительство платило пожилым людям деньги. По достижению определённого возраста, или когда они уже не могли работать. Не много. Но это жутко угнетало министерство финансов. Разумеется, деньги платили из налогов, собранных с работающих людей. Но ситуация сложилась таким образом, что работающих и получавших пенсию стало приблизительно одинаково.

– Почему? – вновь удивился я. – Была война? Остались старики и дети?

– Нет, – поэт отрицательно покачал головой. – Время было мирное. Официальной версией было то, что люди стали дольше жить.

– Здорово! – мечтательно улыбнулся я. А потом нахмурился: – Но ведь это можно было бы решить простым увеличением пенсионного возраста!

– Сначала правительство пошло именно по такому пути, – согласно кивнул Аркадий Петрович. – Но потом оказалось, что это ни капли не помогает.

– Значит, дело было в чём-то другом? – предположил я.

– Безработица, привлечение дешёвой рабочей силы из соседних государств, уход от налогов, воровство среди чиновничества, – стал перечислять поэт. – В конце концов эту самую пенсию отменили окончательно. А поскольку выплатой

оних испокон веку занималась Почта России, то и последняя причина содержать этот разросшийся аппарат отпала. Кстати, роспуск её принёс большую прибыль в казну.

– Это всё, конечно, жутко интересно, – проговорил я.– Но какое это имеет отношение к твоей фразе про тридевятое царство?

– Для каждого города, чтобы не перепутать, у Почты был цифровой код. Так называемый почтовый индекс. Так вот, просматривая архивы, я обнаружил, что город, на территории которого нынче располагается ваше Никанорово царство, имел индекс, начинавшийся с цифр 3 и 9, – Аркадий Петрович расплылся в улыбке и тожественно произнёс:– Так что ради исторической справедливости предлагаю присвоить вам название тридевятого царства!

– Ага. Спасибо, – кивнул я и почесал макушку.

Тем временем мы подошли к запертым воротам. Я постучал в них кулаком.

– Кто там? – пробасил изнутри голос Абрама.

– Открывай уже, – крикнул я.– У нас гости!

– Незванный гость хуже дефолта!

Я ничего не понял, кроме того, что пускать нас не хотят.

– Да не бойтесь вы! Это мой старый знакомый! Он поэт! Кстати, батюшка, ты его тоже знаешь. Он помог тебе, когда вы с мамой меня наверх возили!

За воротами послышалась возня. Что-то стукнулось о доски. Потом скрипнул засов и ворота распахнулись, чуть

не долбанув нас с Аркадием Петровичем по носам.

В нашу сторону шагнул Никанор. Откуда ни возьмись на его голове появилась корона. С видом задиристого вора-батьюшка поглядел на нашего гостя. Обошёл его справа. Наклонил голову. Наконец, лицо его прояснилось, и царь расплылся в улыбке:

– Аркадий! Что ж ты так долго до нас добирался?!

– Никак не мог вырваться, – чуть смущённо ответил поэт. – Только вот благодаря Ивану вернулся в Верхний город. И, воспользовавшись случаем, заскочил в гости.

Никанор обнял старого знакомого и хотел было затащить его в царские палаты, но тот указал в сторону летающего корабля:

– Я не один. Антоха, вылезай! – крикнул поэт в сторону судна. – Всё в порядке!

На трапе показалась очередная знакомая мне личность. Протодиакон Антуан Пустопорожный. Писатель и исследователь Нижнего мира.

– Именно благодаря Антохе этот полёт состоялся, – поведал Аркадий Петрович. – Кстати, Иван, – повернулся он в мою сторону, – мне отчего-то кажется, что ты захочешь составить нам компанию в нашем познавательнейшем путешествии.

– Да? – удивился я. – Зачем это?

– Об этом я расскажу чуть позже. А где Василиса? – поэт поискал взглядом мою жену.

– Да у неё с отцом свои дела, – я махнул рукой. – В экспедицию какую-то отправились.

– А что ж тебя с собой не взяли?

К нам тем временем подошёл Антуан. Вяло пожал мою руку, чуть поклонился царю.

– Здравсте, – из-за забора, потирая лоб, выглянул Абрам.

– Вот что, Абраша, – обратился к нему Никанор. – Организуй гостям комнаты и баньку по-быстрому. А чуть позже – пир!

Абрам вздохнул и отправился выполнять пожелание государя.

– Следуйте за мной, гости дорогие! – батюшка взял под руки обоих прищельцев и потянул к палатам. – Предвкушаю интересный вечер!

Наши гости попали в цепкие и надёжные ручонки служаков. А я тем временем решил осмотреть прибывшее судно. Да и приглядеть заодно – мало ли кто из наших граждан решит что-нибудь открутить, пока хозяева не видят.

Около трапа я застал Ницше.

– Ты почему меня не позвал? – набросился на меня мой четвероногий приятель. – К нам такие гости прилетели, а я всё узнаю последним!

– Извини, всё как-то внезапно случилось. Ходил уже внутрь?

– Не пускает, – фыркнул ослик.

– Кто не пускает? – не понял я. На первый взгляд путь на корабль был свободен.

– Сходи, узнаешь.

Я аккуратно вступил на трап. Сделал несколько осторожных шагов и упёрся в невидимую стену. Под моим напором она слегка пружинила, но внутрь не пускала.

– Силовое поле, – понял я. – Как на колесе было в Небесной Москве.

– Откуда ты чуть не свалился, когда из кабинки полез?

– Ну и хорошо, – я спустился вниз, – по крайней мере, можно не волноваться, что кто-нибудь из местных набедокурит.

– Кто хоть прилетел? А то я только задремал после завтрака, как слышу – куры про какую-то огромную штуку квохчут.

– Ты ещё и кур слушаешь?

– А как ты думаешь? Нельзя ни одной мелочи упустить! – он тяжело вздохнул и с торжественной грустью в голосе произнёс:– Бремя супергероя!

Я усмехнулся. Таких супергероев мир ещё не видывал.

– Нас посетили Ароз Азорин и Антуан Пустопорожний. Зачем – пока не знаю.

– Конечно, ко мне за советом! – воскликнул Ницше.

– Так-так, – на этот раз я не сдержался и захохотал.– И чего же, интересно, ты можешь им посоветовать?

– Не веришь, значит? – тут же надулся ослик.– Ладно, ещё увидишь!

С этими словами он гордо вскинул голову и поцокал в сторону конюшни. А я пожал плечами и принялся рассматривать летучий корабль. Хотя бы снаружи погляжу.

Посудина была знатная. Обшивка полностью повторяла текстуру дерева. Дуба, кажется. Но что-то я сомневался, что это именно дерево. Скорее всего какой-то более прочный материал, который не то, что жучки не прогрызут, но и пули из огнестрела не пробьют. Так что огромные щиты по бортам висят, скорее, для красоты.

Борт вздымался метра на три вверх. А голова дракона, так напугавшая Абрама, вообще грозно поглядывала с высоты крыши царских палат. Скульптор, или кто там её делал, смог

отобразить детально не только этот полный ярости и презрения взгляд, но и каждую чешуйку, покрывающую шею змеюги.

Полосатый красно-белый парус теперь безвольно повис, словно свежeweстиранное бельё. Гордо каркнула ворона и пристроилась на верхушке мачты. Ага. Значит, там силового поля нет. Видимо, зона его действия заканчивается ниже.

Ладно, хватит тут прохлаждаться. Пойду, загляну к нашим гостям. Посмотрю, как ребята там обустроились. Тем более, что вон они, выходят из палат в сторону бани.

– Вань, не составишь нам компанию? – крикнул, заведя меня, Аркадий Петрович.

– Спасибо, я только позавчера парился. Но до бани, пожалуй, пройду с вами, – я присоединился к нашим гостям, сопровождаемым крепкой дворовой девушкой.

– Да, раз уж ты здесь, хочу спросить, а где же наш четвероногий друг, Ницше? – с улыбкой обратился ко мне Антуан. – Странно, что он ещё не носится вокруг.

– А зачем он тебе? – я с подозрением уставился на прото-диакона.

– Хотел спросить у него совета.

Челюсть моя с неудержимой силой рухнула вниз. А из-за казармы внезапно выскочил ослик и торжествующе воскликнул:

– А я говорил!

На пару секунд я окаменел. А Ницше, воспользовавшись этим, занял место рядом с гостями.

– И чем же я могу быть полезен нашим глубокоуважаемым гостям из поднебесья? – оскалился он, походя изобразив в мою сторону неприличный жест хвостом.

Антуан отчего-то замялся, а поэт со смешком ответил:

– Да он опять про этих фиолетовых котят. Как их, чебу-реки, что ли?

– Чебурики, – поправил Антуан.

– А в чём вопрос? – Ницше забежал вперёд и остановился, притормозив процессию.

– Да ему надоели эти игрушки, что у него по шкафу носят-ся, – Аркадий Петрович легонько ткнул приятеля локтем. – Хочет живого.

– Не знаешь, нельзя нашего Че как-нибудь обратно с ВД-НМ забрать? – протодиакон с надеждой взглянул на ослика.

– Вообще, конечно, мутная какая-то история с этими котятами, – высказал своё мнение поэт. – Вроде, парни, что называется, в тренде. А держат их непонятно где и непонятно зачем.

– Это всё Старый Пень, – Ницше щёлкнул зубами. – Он явно имел на котиков какие-то планы. Но прокололся со своими махинациями и теперь где-то скрывается.

– Так что думаешь, отдадут мне Че? – спросил Антуан. – К кому обратиться? Я даже заплачу, сколько надо.

Ослик загадочно улыбнулся.

– Ничего платить не надо.

– Так как же быть? – не унимался протодиакон.

– Прими баньку, отдохни. Утро вечера мудренее, – таинственным голосом проговорил Ницше и с независимым видом покинул компанию.

– Что он имел в виду, Иван? – растерянno спросил у меня Антуан.

– Кто его знает, – я пожал плечами. – Может, сорока что-то рассказала.

Я оставил недоумевающих гостей и поспешил за осликом. Он явно что-то скрывает.

А придя на конюшню, я понял, что именно. И когда только успел? Я же сам только что находился у летучего корабля!

– И ты, значит, воспользовался случаем и снова улизнул от Парамоши? – ещё от входа услышал я голос Ницше. – Ох, не обрадуется он, когда узнает!

В ответ донеслась какая-то возня и урчание.

– Конечно, ты прав. Парамоше сейчас не до вас. На него целое хозяйство свалилось! Но, насколько я знаю Парамошу, он обязательно придёт вас проверить.

Снова возня. Я затих, прислушиваясь.

– Братаны подстрахуют? Ну, да. Вас, когда вы начинаете мельтешить перед глазами, посчитать весьма сложно, – согласился ослик с невидимым собеседником. – Что встал, Иван? – внезапно крикнул Ницше. – Заходи уже, поздоровайся с Че.

Я понял, что обнаружен и быстрым шагом приблизился к стойлу моего непарнокопытного приятеля. Маленький фиолетовый котёнок с огромными для своего размера ушами сидел на ограждении и щурил на меня сверкающие глазища.

– Я так понимаю, он по своему обыкновению заскучал, сбежал с выставки и каким-то образом пробрался на летучий корабль? – я почесал Че за ушком.

– Почти так, – Ницше кивнул. – Антоша заходил на ВД-

НМ. Искал, где содержат чебуриков. Он их не нашёл, но его нашёл Че.

– А что за корабль, он не знает? – я хихикнул, когда котёнок юркнул мне за пазуху. – А то наши гости пока молчат, как водянички об лёд.

Мордочка Че показалась из моего левого рукава. Котёнок фыркнул и снова скрылся.

– Он говорит, что ему это не интересно. Главное – приключения.

– Ну, ладно, – я пожал плечами. – Скоро сами всё расскажут.

Внезапно на дворе раздался дикий вопль, точно поросянок, которого собирались приготовить к пиру, прознал о происках коварных убийцев и предпринял отчаянную попытку совершить побег, попутно призывая в свидетели мировую общественность. Мы с Ницше одновременно покинули конюшню и увидели презабавнейшее зрелище. Антуан Пустопоржний бегал по двору в чём мать родила, прикрываясь медным тазиком. А за ним, размахивая дубовым веником, гналась по пятам юная, но весьма крепкая девица в пропитанной влагой белой рубахе до колен.

Я подошёл к гогочущему у входа в баню Аркадию Петровичу. Он тоже был не вполне одет – лишь длинные трусы в красный горошек скрывали его бёдра.

– С чего это они так резвятся? – спросил я поэта.

– Антоха себя несколько переоценил, – сквозь смех про-

говорил он.

– В каком смысле? – удивился я.

– Отчего это, говорит, нам слабый пол подсунули?

– При чём тут пол? – не понял я.

– Ну, как же, – удивился моей недогадливости поэт. –

Женщины испокон веков считались слабым полом! И Антоха решил, что ей силёнок не хватит его хорошенько отпарить. А она, видимо, феминистка. Ка-ак размахнётся, да как начнёт его веником охаживать!

Я не стал выяснять, кто такая эта феминистка. Надо было спасать гостя.

– Марьяша, успокойся! – как можно более суровым тоном скомандовал я разбушевавшейся девице. – Он не хотел оскорбить твоего отца!

– Да? – с сомнением в голосе спросила она, но остановилась и веник опустила. – Но я же точно слышала, он сказал «слабый пол»!

– Он не то имел в виду. Это у них наверху принято девушек такими комплиментами одаривать.

– А что такое плименты? – Марьяша засунула изрядно ободранный веник под рубаху и стала яростно чесать спину.

– К примеру, как тебя ласково называет отец?

– Сваечкой, – чуть смутившись, пробубнила девушка.

– Хм... так вот, если бы у них наверху девицу называли сваечкой, она бы наверняка обиделась. И наоборот – у них там красивых девушек принято считать слабым полом, про-

сти уж за столь оскорбительные для дочери плотника слова.

Марьяша перестала чесать спину и задумалась. Антуан, пользуясь передышкой, бочком отступил к бане и скрылся за дверью.

– Ладно, пуцай живёт, – шмыгнула носом девушка. – Но передайте ему, что полы в бане батюшка хорошие сделал! – она погрозила кулаком в сторону скрывшегося от расплаты гостя и размашистой походкой зашагала прочь.

– Никифор! – позвал я пожилого жилистого старика из дворни, который, посмеиваясь в бороду, стоял на углу. – Замени Марьяшку. Гости хотят крепкой мужской руки.

– Может, их вместо веничка лопатой отходить? – проявил неожиданную инициативу дедок. – Мне лопатой как-то сподручнее.

– Иван, – подал голос Аркадий Петрович, – я тут подумал... Не такие уж мы и грязные. А на корабле у нас душ есть. Так что, может, мы без бани обойдёмся?

– Я тоже так думаю, – пискнул в приоткрывшуюся дверь протодиакон.

Итогом, вместо бани пришлось мне устроить гостям экскурсию по нашему селению. Тут-то и поведал мне Аркадий Петрович о цели их приезда.

– После скандала в городском совете произошли серьёзные изменения. Марию Станиславовну на посту министра культуры заменила Хельга Рогнарловна. Эта серьёзная дама, когда к ней пришёл Антоха с идеей о «легендах Свободной Зоны» жутко разозлилась и устроила ему разнос.

– «Я вас с вашим шансоном к уркам отправлю!», кричала она, – поморщился протодиакон. – Короче, пригрозила выгнать взащей с работы, если я не предложу какой-то новый стоящий проект.

– Собственно, идею подала сама новая министерша, – усмехнулся поэт. – Своим именем.

– Да, имечко интересное. А что оно могло навеять? – спросил я.

– Уж больно оно в стиле северных саг, – потерябил бородку Антуан. – Хель, Тор, Рагнарёк.

– Кто все эти люди? – лично мне эти имена ничего не сказали.

– Мы с Антохой до этого путешествия тоже были не очень подкованы в скандинавской мифологии. Но тут пришлось перешерстить всю Сеть, дабы заинтересовать министерство

и выбить средства.

– Средства на что? – всё ещё не понимал я.

– В этих сагах рассказывается в том числе и про Рагнарёк – конец света, в котором гибнут практически все герои, – проигнорировал мой вопрос Антуан. – По сути – та же Последняя Война.

– После войны рано или поздно связь удалось установить с большинством Небесных городов, – перебил спутника Аркадий Петрович. – А вот что творится на земле – известно далеко не во всех районах. Да этого и не нужно правительствам. Им бы сохранить контроль над производствами, находящимися в подведомственных зонах. Особенно много белых пятен на севере. Если в Новом Петербурге ещё кое-как справляются с наблюдением за поверхностью, то в Архангеле с этим вообще беда. А что происходит дальше Питера – на Скандинавском полуострове – мы имеем очень приблизительное представление.

– А что, – уточнил я, – там разве нет Небесных городов?

– Дипломатические отношения не налажены, – скупой ответил поэт.

– Короче говоря, у нас документальное путешествие с целью сбора информации о населении и его фольклоре, – резюмировал протодиакон.

– Допустим, – я почесал макушку. – А при чём тут я?

– По имеющимся у меня сведениям, – Ароз Азорин заговорщически подмигнул, – царица Светлана, твоя мать, нахо-

дится где-то на севере.

– Север большой, – я пожал плечами.

– Есть след. Он, разумеется, уже порядком подзатёрся с годами. Но кое-что, я думаю, мы сможем разузнать. Ну, что? Ты заинтересован? – поэт остановился, заглядывая мне в глаза.

– Спрашиваешь! – я хмыкнул и кивнул. – В своём прошлом путешествии я изредка наталкивался на мамины следы. И у меня каждый раз сердце начинало биться чаще. Разумеется, я буду рад любой возможности узнать о её судьбе!

– Значит, решено, – Аркадий Петрович похлопал меня по плечу.

– Думаю, да. Всё-таки есть своя прелесть в том, что я третий сын. Степана или Абрама никто так просто не отпустил бы.

– Кстати, а где этот ваш героический Степан с его суворовскими шлёпанцами? – полюбопытствовал Антуан.

Я поведал им историю о своей утренней разведке.

– Так что Стёпа поехал разбираться с ситуацией, – закончил свой рассказ я.

– Интере-есно, – протянул протоиерей. – Значит, говоришь, маленькая девочка?

– Да, – кивнул я. – Довольно милая. Была. Пока клыки не появились.

– Что-то мне это напомнило, – Антуан потерев бородку.

– История про маленькую девочку-вурдалака? – удивился

Аркадий Петрович.

– Нет. Вон тот памятник, – Антуан указал на усадьбу бояр Отрыжкиных, недалеко от которой возвышалось заросшее травой и мхом нечто, отдалённо похожее на вылезающего из-под земли мужика с раскинутыми руками. – Что это?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Всегда здесь стояло.

– Такое ощущение, что кто-то выбирался из могилы, но застрял. И теперь вроде как говорит: «Ну, не смог. Кто ж виноват?», – Аркадий Петрович подошёл к тому, что его спутник назвал памятником и постучал по зелёной поверхности. – Там внутри явно нечто твёрдое. Остатки какого-то древнего монумента?

– Кто ж теперь узнает? – хмыкнул я. – Говорят, после ударов каким-то хтоническим оружием здесь камня на камне не осталось.

– Ты хотел сказать, тектоническим? – уточнил поэт.

Я вновь пожал плечами. В моих книжках я не читал ни про одно, ни про другое.

Антуан же выудил из кармана свою пипку и стал делать картинки этого... пусть будет монумента. Просто монумента, себя на фоне монумента, нас на фоне монумента, себя без монумента, себя на фоне усадьбы Отрыжкиных, себя на фоне травы, себя на фоне неба...

– Что-то увлёкся Антоха, – Аркадий Петрович осуждающе поглядел на своего спутника.

– А что он делает? – спросил я.

Когда я попал в Небесную Москву, меня поразила любовь местных жителей к репортажной съёмке. Вместо того, чтобы оказать помощь ближним, они предпочитали всё запечатлеть своими приборами... как же их... Пипками, короче.

– Блог, – таинственно сообщил поэт.

– Блохи? – не понял я. – Ну, тогда зря вы от бани отказались!

– Это его личная страничка в сети, – пояснил Аркадий Петрович.

– А! – я хлопнул себя по лбу. – Точно! У вас же документальное путешествие. Так он что, будет каждый свой шаг так вот снимать и в сеть выкладывать?

Поэт кивнул. Антуан же перестал кривляться перед своей пипкой и теперь стучал пальцем по экрану, отчаянно сопя.

– Что-то пошло не так? – спросил Аркадий Петрович, приподняв бровь.

– Не могу отправить, – поморщился протодиакон. – Сети нет.

– У нас это обычное явление, – с видом знатока промолвил я.

– Ладно, не переживай, – Аркадий Петрович похлопал спутника по плечу. – В путешествии где-нибудь да появится. Тогда все твои подписчики всё разом увидят.

– И то верно, – облегчённо улыбнулся Антуан. – Слушай, – глаза его загорелись идеей, – а почитай на камеру что-нибудь из своего. Что-нибудь лирическое. А я тебя снимаю на фо-

не этого древнего артефакта.

Аркадий Петрович ненадолго задумался, а потом опёрся на старинный монумент, прикрыл свои очи и продекламировал:

Где ты, Русь, моя родная?
Сверху смотрят небеса.
Не видать конца и края-
Хмарь заволокла глаза.

Как приبلудный проходимец,
Я смотрю твои руины.
Только нечем поживиться.
Наберу хотя б малины.

Пахнет яблоком и медом
Пахнет свиньями и хлебом.
Рак свистит за косогором
И Толян храпит за хлевом.

Разбегусь и прыгну в лужу
Захлебнусь в родной грязи я,
Все увидят, как натужно
Я люблю свою Россию.

Если крикнет кто-то местный:
«Чем тебе не жизнь в раю?»
Я скажу: «Не надо рая,
Лучше я назад, в Москву».

Внезапно монумент вздрогнул. Аркадий Петрович в ужасе отскочил ко мне. Впрочем, продолжения не последовало.

– Что это было? – схватившись за сердце, поинтересовался поэт.

– Не знаю. На моей памяти это впервые.

– А что случилось? – кажется, Антуан не осознал произошедшего и смотрел возмущённо. – Чего вы так пугаете? У меня рука дёрнулась!

– Кажется, этот древний памятник пошевелился, – пробормотал Ароз Азорин.

– Да ладно, – отмахнулся протодиакон. – Тебе показалось. Он подошёл к монументу и попинал его ногами.

– Видите? Никакой реакции!

– Значит, показалось, – согласился Аркадий Петрович. Впрочем, в его голосе не слышалось уверенности в этом утверждении.

Нагуляв аппетит, набравшись впечатлений и испугавшись неведомо чего, мы вернулись на царское подворье. Там уже всё было готово к пиру. Правда, на этот раз мероприятие предназначалось для узкого круга лиц – пригласили лишь ближних бояр.

Народ, толпившийся у летучего корабля, когда мы уходили на нашу прогулку, рассосался. И правильно – попасть внутрь было никак не возможно, ничего оторвать от него на память – тоже. Так что дальнейшее пребывание около диковинки было бы пустой потерей времени.

Гостей из Верхнего мира посадили по обе руки от царя-батюшки. Антуан слева, рядом с ним расположились Абрам с супругой. Я устроился около Аркадия Петровича.

Разумеется, сначала подняли кубки за гостей. Потом за сотрудничество. Следом – за царя, за его сыновей, за тридевятое царство. Батюшке, кстати, идея с названием понравилась.

– А какие новости нынче в международной политике? – непонятно с чего спросил Никанор после очередного кубка.

– Да всё как обычно, – пожал плечами Аркадий Петрович. – Города то грызутся, то мирятся. Дружат то с кем-то, то против кого-то.

– И кто сейчас за нас?

Странный вопрос из уст моего родителя. Уж за нас там, наверху, точно никого нет. Впрочем, это нисколько не смутило поэта.

– ПруссакИ, вроде, стремятся к сотрудничеству, – ответил он.– Священная Римская Империя поглядывает зло, но ничего против не предпринимает. А вот бюргеры всё никак не определятся, как к нам относиться. То они наши друзья до гроба, то мы для них логово зла. Я думаю, если бы королева Виктория хоть как-то высказалась, бюргеры приняли её точку зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.